

А.А. Фет

Рассказы

А.А. Фет. Сочинения в двух томах. Том второй.
М., "Художественная литература", 1982
Подготовка текста, составление, комментарии А. Е. Тархова
OCR Бычков М.Н. mailto:bmnn@lib.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Каленик
Дядюшка и двоюродный братец
Семейство Гольц
Вне моды

Каленик

Рассказ

(Посвящается И. П. Борисову)

А.А. Фет. Сочинения в двух томах. Том второй.
М., "Художественная литература", 1982
Подготовка текста, составление, комментарии А. Е. Тархова

Есть люди, которые разговаривают вслух сами с собою. Не знаю, чего это признак и как бы растолковал доктор Крупов {1} подобную манию? Но я должен сознаться, что нередко вслух разговариваю сам с собою. В настоящую минуту делаю то же самое...

Все науки, все искусства стремятся к одной цели – постигнуть природу, разгадать ее отрывочные явления и привести их в духе нашем, так сказать, к одному знаменателю; а между тем исследователи, положив руку на сердце, должны признаться, что в объяснениях своих они говорят только слова и слова, а природа все-таки – древняя Изиды {2}. Да зачем нам ходить так далеко, рассматривать окружающий нас мир? Там бездна. Загляните в себя: что такое мысль? Какой это своенравный, неуловимый деятель; а между тем у ней есть своя, строгая, беспощадная логика, сокровенная, загадочная, как самая мысль, не зависящая от нашей воли и потому неизбежная, как судьба.

– Как это старо! – говорите вы. Согласен. А между тем я беспрестанно в своих монологах натываюсь на подобную сторону, о которой благоразумные люди и не думают, потому что это бесполезно.

Да и как же мне не говорить об этом?

На днях случилось со мной следующее. После обеда у знакомых, отдыхая, в числе прочих, на креслах, в кабинете, я, от нечего делать, начал рассматривать лежавшую близ меня иллюстрированную натуральную историю. Между прочими, прекрасно исполненными полиптиками, мне попалось на глаза изображение жирного, неуклюжего зверка, с совершенно круглой головой, на которой только обозначались места для глаз, а самих глаз не было заметно. Выражение всей фигуры, и особенно головы, самое бессмысленное и между тем в высшей степени злое. С первого взгляда на этот полиптик я почувствовал, что уношусь из кабинета куда-то далеко; и когда глаза мои прочли французскую подпись: "Ziemsky", я невольно вскрикнул; но так громко, что присутствующие расхохотались. Разгадайте мне, каким образом в то же мгновение душа моя осветилась палевыми лучами заходящего южного солнца, наполнилась благоуханием вечерней степи, и мне показалось, что я опять молод, что там, далеко, будут меня поджидать каждую минуту... подождут перед чаем, подождут за самоваром, пред ужином, за ужином и наконец долго, долго после ужина. Мне представилось, что я опять вижу этого самого, дотоле мне совершенно не знакомого, зверка ползущим по вспаханному полю и кричу своему кучеру: "стой!", вмиг соскакиваю с нетычанки и с изумленьем начинаю рассматривать движущуюся неуклюжую тварь дымчатого цвета, величиною, складом и движением вполне напоминающую слепого четырехдневного щенка. Рассмотрев зверка довольно подробно сверху, я хочу перевернуть его ударом ноги, но в ту же минуту голос Каленика (моего кучера) раздаётся за мной: "Ваше благородие, хи, хи, хи! Не троньте, хи, хи! Если оно хи, хи! Если оно укусит, то надо